

УДК 364.65(985)(045)

DOI 10.37482/issn2221-2698.2020.40.47

Бедность населения как угроза устойчивому развитию российской Арктики *

© **КОРЧАК Елена Анатольевна**, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник
E-mail: elenakorchak@mail.ru

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия

Аннотация. Современной парадигмой теории и практики общественного развития является концепция устойчивого развития, возникновение и распространение которой было связано с акцентированием вопросов загрязнения окружающей среды и перенаселением планеты на фоне ограниченности природных ресурсов. Сегодня устойчивое развитие определяется как результат взаимодействия человека, экономической системы и природы на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях и выражается в определённой степени экономической, экологической и социальной устойчивости. Современные цели в сфере устойчивого развития заключаются в содействии зелёному росту, в рациональном природопользовании, в обеспечении доступа к качественным услугам здравоохранения и образования, в повышении благосостояния населения. Последнее подразумевает, в первую очередь, сокращение многомерной бедности, многочисленные группы социальной локализации которой составляют инвалиды, семьи с детьми и неполные семьи, этнические меньшинства. Целью исследования явилась оценка уровня и масштабов бедности населения и её социальной локализации в рамках достижения устойчивого развития регионов российской Арктики. Актуальность исследования определяется тем фактом, что темпы и пропорции устойчивого развития российской Арктики зависят от качественного состояния человеческого потенциала (носителем которого является население). Качественное состояние человеческого потенциала зависит от уровня благосостояния населения, определяющего степень удовлетворения потребностей в благах и доступ к социальным услугам. Бедность как социально-экономическое явление создаёт угрозы деградации человеческого потенциала. Гипотеза исследования опирается на понимании того, что бедность — это системный фактор, ограничивающий возможности качественного воспроизводства человеческого потенциала и, соответственно, перспективные возможности достижения устойчивого развития российской Арктики. Методами исследования стали статистический анализ социально-экономического положения семей с детьми в регионах российской Арктики, а также анализ нормативных правовых документов, регламентирующих меры социальной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Результаты исследования ориентированы на их практическое использование в сфере достижения устойчивого развития российской Арктики.

Ключевые слова: бедность, безработица, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, детская бедность, социальное пособие.

Threats to the Sustainable Development of the Russian Arctic: Poverty

© **Elena A. KORCHAK**, Cand. Sci. (Econ.), associated professor, senior researcher

E-mail: elenakorchak@mail.ru

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

Abstract. The modern paradigm of the theory and practice of social development is the concept of sustain-

* Для цитирования:

Корчак Е.А. Бедность населения как угроза устойчивому развитию российской Арктики // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 47–65. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.47

For citation:

Korchak E.A. Threats to the Sustainable Development of the Russian Arctic: Poverty. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 47–65. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.47

able development, the emergence and spread of which was associated with the emphasis on environmental pollution and overpopulation of the planet against the background of limited natural resources. Today, sustainable development is defined as the result of the interaction of a man, the economic system, and nature at the global, national, regional, and local levels. It is expressed, to a certain extent, by economic, environmental, and social sustainability. Modern goals in the field of sustainable development are to promote green growth, rational environmental management, ensuring access to quality health and education services, and improving the well-being of the population. The latter implies, first, the reduction of multidimensional poverty, the numerous groups of social localization, i.e., disabled people, families with children, single-parent families, and ethnic minorities. The aim of the study is to assess the level and extent of poverty and its social localization in the framework of achieving sustainable development of the regions of the Russian Arctic. The relevance of the study is determined by the fact that the rates and proportions of sustainable development of the Russian Arctic depend on the qualitative state of human potential (carried by the population). The qualitative state of human potential depends on the level of well-being of the population, which determines the degree of satisfaction of needs for benefits and access to social services. Poverty as a socio-economic phenomenon creates threats of degradation of human potential. The research hypothesis is based on the understanding that poverty is a systemic factor that limits the possibilities of a high-quality reproduction of human potential and, accordingly, promising opportunities for achieving sustainable development in the Russian Arctic. The research methods were a statistical analysis of the socio-economic situation of families with children in the regions of the Russian Arctic, as well as an analysis of regulatory legal documents governing measures of social support for families, motherhood, paternity, and childhood. The research results are focused on their use for achieving sustainable development of the Russian Arctic.

Keywords: *poverty, unemployment, Murmansk Oblast, Nenets Autonomous Okrug, Chukotka Autonomous Okrug, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, child poverty, social allowance.*

Введение

В конце прошлого века актуализация глобальных противоречий между увеличивающимися потребностями общества и ограниченными возможностями биосферы, фактически поставившими под угрозу дальнейшее общественное развитие, привела к появлению концепции устойчивого развития [1, Шевченко И.В., Литвинский К.О., с. 3]. В соответствии с этой концепцией человек посредством участия в формирующих сферу его жизнедеятельности процессах играет центральную роль в общественном развитии. Именно под воздействием качественных характеристик человеческого потенциала как совокупности физических и духовных возможностей человека в достижении индивидуальных и общественных целей [2, Мудрецов А.Ф., с. 99] формируются темпы и пропорции устойчивого развития. В свою очередь, условием развития человеческого потенциала выступает достигнутый уровень благосостояния [3, Абдалхуссейн А., Санталова М.С., с. 9] — социально приемлемый уровень обеспеченности благами и услугами.

Как системное образование, благосостояние интегрирует в себе характеристики уровня, условий и качества жизни и, согласно концептуальному подходу ООН к человеческому развитию, подлежит измерению на основе системы соответствующих индикаторов. Так, уровень жизни характеризуют такие показатели материального благосостояния, как уровень среднедушевого денежного дохода в сравнении со стоимостью установленного набора необходимых благ и услуг (в России — прожиточный минимум) или уровень бедности (в России — доля населения со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума). Среди показателей, характеризующих условия жизни, — уровень

безработицы или обеспеченность населения врачами (например, численность врачей на 10 тыс. чел. населения). К числу показателей качества жизни относятся ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образования, уровень заболеваемости и т.д. При этом оценивается достигнутый уровень благосостояния с применением метода предельно-критических значений, когда для каждого показателя, исходя из прагматичного подхода и на основе специальных исследований и экспертных оценок, устанавливается его предельно-критическое значение [4, Глазьев С.Ю., Локосов В.В., с. 22–24]. Выход показателя за границы такого значения сигнализирует о возникновении угрозы обеспечению реальных возможностей формирования качественного человеческого потенциала.

Серьезную угрозу подрыва экономических основ качественного воспроизводства человеческого потенциала составляет бедность населения. Именно поэтому ведущий замысел концепции устойчивого развития составляет необходимость переориентации внимания человечества на решение проблемы бедности — глобальной проблемы общественного развития [5, Лейбин В.М., с. 212].

Анализ научных подходов к исследованию проблемы бедности [6, Ишмуратова И.Г., с. 75] показывает, что их эволюция происходила в направлении от восприятия бедности как личной проблемы человека (концептуальные взгляды английских ученых Т. Мальтуса, Д. Рикардо, С. Раунтри и др.) к восприятию бедности как проблемы общества — исследования американского экономиста Дж. Стиглица «Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения?» (Stiglitz J.E. «The Great Divide: Unequal Societies And What We Can Do About Them», 2014 г. [7, Peach J., Warnecke T. and Watkins J., с. 370]) или российского экономиста Капелюшников Р.И. «Экономическое неравенство — вселенское зло?», 2018 г.¹ Так, в современных концепциях качества жизни [8, Фахрутдинова Е.В., Шаламова Н.В., с. 150] проблема бедности рассматривается в преломлении человеческого измерения — повышении благосостояния посредством расширения человеческих возможностей в саморазвитии [9, Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Куликова О.М., Файзуллин Ф.С., с. 69–70]. В концепции общества риска немецкого социолога У. Бека [10, Beck U., с. 97] бедность рассматривается как фактор, ограничивающий возможности бедного населения в противостоянии социальным рискам, поскольку бедность — это залог низкого уровня информационной грамотности и отсутствия возможностей в доступе к условиям жизни, качественным благам и услугам [11, Томских М.С., с. 27]. Аналогичная позиция у испанского социолога М. Кастельса («Информационная эпоха: экономика, общество и культура»; Castells M. «The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture», 2000 г.), согласно концепции информационного общества которого бедность выступает фактором цифрового разрыва как социального противоречия в доступе к цифровому миру, когда малоимущие кате-

¹ Экономическое неравенство — вселенское зло?: препринт WP3/2019/01 / Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 28 с. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 66 экз.

гории населения не имеют доступа к новейшим знаниям и, тем самым, к возможностям трудоустройства [12, Скибицкий М.М., с. 66]. Особенно актуальна проблема цифрового разрыва в отношении к современной эпидемиологической ситуации, когда в условиях самоизоляции и карантина в сфере образования вводится дистанционное обучение: в Чукотском автономном округе в 2016 г. удельный вес домохозяйств, имеющих доступ к широкополосному интернету, составил 36% от общего числа домохозяйств, в Ненецком автономном округе 60%, в Мурманской области 78%, в Ямало-Ненецком автономном округе 86%².

В институционализме (например, исследования экономических успехов и неудач государств американского экономиста Д. Аджемоглу и британского экономиста Дж. Робинсона в книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» (Acemoglu D. and Robinson J.A. «Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty», 2012 г.)) бедность воспринимается как следствие изменения институциональных условий функционирования территориальных социально-экономических систем [13, Корчак Е.А., с. 145].

В подходе ООН к исследованию проблем бедности используются такие её характеристики, как приемлемый уровень жизни, уровень удовлетворения базовых потребностей, величина ресурсов. Данные характеристики обуславливаются специфическими особенностями эволюции общественного территориального развития и определяются географическими особенностями. Среди недавних исследований проблем нищеты и развития человеческого потенциала ООН совместно с Инициативой Оксфордского университета — глобальный индекс многомерной бедности (Multidimensional poverty index), позволяющий анализировать посредством проведения социологических опросов (по десяти показателям в сфере образования, здравоохранения и уровня жизни) неравенство между странами и среди населения, а также отслеживать изменения в бедности по времени³.

Для измерения бедности используется «граница бедности», характеризующаяся конкретными международными и национальными показателями. Наиболее распространённым концептуальным подходом к измерению бедности является концепция абсолютной бедности, в соответствии с которой бедность определяется как отсутствие необходимых ресурсов для обеспечения жизненных потребностей. В 2015 г. Всемирным банком⁴ международная граница бедности, как абсолютный глобальный минимум (не учитывающий доступ к услугам образования, здравоохранения, водо- и электроснабжению), была установлена в размере

² Индикаторы цифровой экономики: 2017: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, М.А. Кевеш и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с. 250 экз. ISBN 978-5-7598-1592-1 (в обл.).

³ Богатый или бедный? Разные измерения бедности по новой методологии ООН // Информационно-аналитический центр ИАЦ. URL: <https://ia-centr.ru/publications/bogatyy-ili-bednyy-raznye-izmereniya-bednosti-povoou-metodologii-oon/> (дата обращения: 13.04.2020).

⁴ Свободный и беспрепятственный доступ к данным о глобальном развитии // Всемирный банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/understanding-poverty> (дата обращения: 13.04.2020).

1,90 долл. США в день (для стран со средним денежным доходом такая планка составила 3,2 долл. США в день, средним — 5,5 долл. США в день, высоким — 21,7 долл. США в день).

В США⁵ в качестве границы бедности используется минимальный денежный доход «The Poverty Thresholds», необходимый для обеспечения домохозяйства продуктами питания, жильём, предметами первой необходимости, и дифференцируемый в зависимости от размера и возрастного состава домохозяйства. В 2019 г. в федеральном реестре США для северного штата Аляски федеральный уровень бедности (Federal Poverty Level, FPL) был зафиксирован на уровне 15 600 долл. США для домохозяйства, состоящего из одного члена, 54 310 долл. США — для домохозяйства из 8 членов (для сравнения, в среднем по США — 12 490 долл. США и 43 430 долл. США соответственно).

В Канаде⁶ бедность оценивается по двум методам: «граница низких доходов» (Low income cut-off, LICO) и «метод потребительской корзины» (Market Basket Measure, MBM). В соответствии с первым методом граница бедности рассчитывается в зависимости от количества членов домохозяйств (от 1 до 7) и отдельно для типа местности (сельские местности, местные сообщества с численностью населения до 30 тыс. чел., от 30 тыс. чел. до 99,999 тыс. чел., от 100 тыс. чел. до 499,999 тыс. чел., от 500 тыс. чел. и выше). Так, в 2018 г. для домохозяйства, состоящего из трёх членов, граница такого дохода составила для сельской местности 21 296 канадских долл., для большого города (с численностью населения более 500 тыс. чел.) — 32 554 канадских долл. В соответствии со вторым методом граница бедности устанавливается на основе потребительской корзины, стоимость которой определяется для семьи из двух взрослых и двух детей в зависимости от типа местности.

Концептуальной основой измерения бедности в России является подход базовых потребностей: здесь бедность измеряется на основе сравнения среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума — стоимостной оценкой потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения каждого региона. В состав потребительской корзины входит набор продуктов питания, а также определяемый в соотношении с его стоимостью набор непродовольственных товаров и услуг. Потребительская корзина формируется, в том числе на основе фактических объёмов потребления в малоимущих домохозяйствах и с учётом определяемых природно-климатическими условиями различий в потреблении, в соответствии с которыми территория России распределена на 10 зон. В первую и вторую зону входят Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ненецкий автономные округа, Мурманская область — регионы, территории которых полностью отнесены к российской Арктике. Для регионов российской Арктики установлены повышенные нормы энергетической ценности и химического состава набора продуктов питания. Так, для регионов первой зоны энергетическая ценность набора продуктов питания составляет 2 908 ккал, для десятой

⁵ 2019 poverty guidelines // Office of the assistant secretary for planning and evaluation (ASPE). URL: <https://aspe.hhs.gov/2019-poverty-guidelines> (дата обращения: 13.04.2020).

⁶ Statistics Canada. Table 11-10-0241-01 Low income cut-offs (LICOs) before and after tax by community size and family size, in current dollars. DOI: 10.25318/1110024101-eng.

зоны — 2 525 ккал; для трудоспособного населения регионов первой зоны норма потребления мяса в год составляет 70,2 кг, десятой — 58,5 кг, фруктов — соответственно 65 кг и 60 кг⁷. В целях установления процентного соотношения со стоимостью набора продуктов питания набора непродовольственных товаров и услуг территория России распределена на 3 зоны: зону с холодным и резко континентальным климатом (в которой такое соотношение установлено на уровне 50–60%), зону с умеренным климатом (45–55%) и зону с тёплым климатом (40–50%). С 01.01.2020 г. в России величина прожиточного минимума в расчёте на душу населения составляет 11 012 руб., для трудоспособного населения — 11 942 руб., для пенсионеров — 9 090 руб., для детей — 10 838 руб. В Мурманской области соответственно — 16 688 руб., 17 379 руб., 13 869 руб., 16 670 руб.⁸

Анализ данных Росстата⁹ показывает, что сегодня в регионах российской Арктики масштаб бедности составляет более 116 тыс. чел. Наибольший — в Мурманской области, где 74 тыс. чел. живет за чертой бедности. Факторами распространения бедности являются безработица и низкооплачиваемая занятость, продуцирующие распространение бедности среди домохозяйств с детьми. Особую актуальность в связи с этим представляет детская бедность регионов российской Арктики, феномен которой определяется так называемой «ловушкой бедности», когда малоимущие домохозяйства воспроизводят бедность в расширенном масштабе, а дети, растущие в бедности, став взрослыми, как правило, остаются бедными.

Методы исследования

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, проведено на основе анализа официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и её территориальных органов в регионах российской Арктики. Источниками статистических данных стали официальные статистические сборники¹⁰: «Социально-экономические индикаторы бедности», «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств», «Социальное положение и уровень жизни населения России», «Здравоохранение в России», «Жилищное хозяйство в России». Исследование проведено по материалам Мурманской области, Ямало-Ненецкого, Чукотского и Ненецкого автономных округов, территории которых полностью отнесены к Арктической зоне России (далее — арктические регионы России).

В ходе исследования был проведён анализ бедности населения по официально принятым в российской практике показателям. Особое внимание уделено сравнению показате-

⁷ Постановление Правительства РФ от 28.01.2013 г. №54 «Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22083/ (дата обращения: 13.04.2020).

⁸ О прожиточном минимуме в Мурманской области // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/913508381> (дата обращения: 13.04.2020).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).

лей уровня жизни с их предельно-критическими значениями (табл. 1), установленными автором исходя из результатов многолетних исследований с учётом экспертных оценок и на основании исследований российских и зарубежных учёных [4, Глазьев С.Ю., Локозов В.В., с. 22–24; 14, Корчак Е.А., с. 90–93].

Таблица 1

Предельно-критические значения показателей уровня жизни

Показатель	Предельно-критическое значение показателя	
	для России	для Арктики
Доля населения со среднедушевыми денежными доходами ниже величины регионального прожиточного минимума, %	7	2
Соотношение среднедушевых денежных доходов с величиной регионального прожиточного минимума, раз	2	5
Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы с величиной регионального прожиточного минимума трудоспособного населения, раз	3	6

Несомненно, в ходе изучения бедности населения необходим учёт не только абсолютных показателей бедности (денежных критериев), но и относительные и субъективные оценки. Социальная стабильность в обществе, являющаяся важным условием устойчивого сбалансированного развития, во многом зависит от показателя доли населения, условия жизни которого существенно хуже принятой в данном обществе нормы: для полноценного участия в жизни общества условия жизни конкретного человека не должны значительно отличаться от принятого в обществе стандарта уровня жизни. Необходима интегральная оценка бедности¹¹, важной составляющей которой является субъективный метод измерения бедности, основывающийся, в частности, на обследовании общественного мнения касательно уровня достаточных, низких или недостаточных доходов, на изучении самоидентификации людей по уровню доходов, социальной исключённости и т.д. Однако сегодня такая оценка бедности затруднительна в силу узости официальных статистических показателей, в силу «случайности» выборки таких измерений (исключающей возможности измерения бедности в малочисленных группах населения, например, среди коренного малочисленного населения) и других факторов. В частности, в выборе способа анализа детской бедности автор исходил, во-первых, из того факта, что наиболее широко используется её количественная оценка в денежной форме — по уровню доходов; во-вторых, из соображений доступности оценочных показателей, что представляет особую важность для проведения межрегиональных сравнений и ведения соответствующего мониторинга.

¹¹ Корчак Е.А. Совершенствование институциональных механизмов решения проблемы бедности в северном регионе РФ (на примере Мурманской области) / Е.А. Корчак // автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. Апатиты, 2007. 22 с.

Результаты исследования и их обсуждение

Сегодня основной идеей человечества остаётся устойчивое развитие — процесс общественного развития, в котором преобразования хозяйственной деятельности согласуются с обеспечением экологической безопасности и достижением социальной устойчивости. Основопологающими принципами такого развития являются рациональное природопользование и обеспечение социально приемлемых стандартов благосостояния населения.

В недавнем докладе Римскому клубу «Global Sustainable Development Report 2019» (Глобальный отчет об устойчивом развитии 2019) был сделан вывод о том, что ни одна из стран на современном этапе общественного развития не смогла достичь баланса человеческого благополучия и здоровой окружающей среды. Проведённые независимой группой учёных из различных стран исследования четырёхлетнего цикла осуществления Целей в области устойчивого развития показали, что на фоне снижения бедности по доходам, актуальной сегодня остаётся многомерная бедность, группы социальной локализации которой составляют женщины, коренные народы и этнические меньшинства, граждане с ограниченными возможностями здоровья, дети. По мнению учёных — авторов доклада¹², именно благосостояние населения, определяющее уровень качественного воспроизводства человеческого потенциала, способствует социальным, экономическим и экологическим преобразованиям. При этом единственным призывом к действию в сфере повышения благосостояния населения и, соответственно, расширения возможностей достижения устойчивого развития остаётся сосредоточение усилий государственных, региональных и местных органов власти, бизнеса, местных сообществ в сокращении неравенств социальных групп, подвергающихся риску бедности.

В России проблемы бедности актуализировались в 90-е гг. прошлого века в связи с распадом СССР и становлением рыночных отношений, повлёкших падение уровня жизни населения. Фактически бедность обозначилась как социально-экономическое явление постсоветского периода развития страны — следствие институциональных и экономических преобразований во взаимосвязи с демографическими и географическими факторами.

Значимой на нынешнем этапе социально-экономического развития России является проблема бедности населения российской Арктики, регионы которой составляют зону стратегических интересов страны [15, Korchak E. and Serova N., с. 1736]. Регионы российской Арктики сформировали относительно высокий экономический потенциал. Так, при численности населения всего 0,94% населения страны доля произведенного здесь ВРП в суммарном ВРП страны составляет 4,6%. Средний объём ВРП на душу населения в 2018 г. здесь составил 2 859,5 тыс. руб. при среднем по России уровне в 578,7 тыс. руб. Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа традиционно входят в первую тройку рейтинга регионов России по уровню среднедушевых денежных доходов (Мурманская область в 2018 г. занимала

¹² United Nations, 2016, Global Sustainable Development Report 2016, Department of Economic and Social Affairs, New York, July.

13 место). Несмотря на это, 8,4% населения таких регионов сегодня проживает за чертой бедности (табл. 2).

Таблица 2

*ВРП на душу населения, среднедушевые денежные доходы и масштаб бедности в регионах российской Арктики, 2018 г.*¹³

Регион	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Масштаб бедности, тыс. чел.
Ненецкий автономный округ	6 950,4	78 549	4,2
Мурманская область	642,7	41 564	74,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	5 710,1	79 398	33,5
Чукотский автономный округ	1 578,5	78 812	4,4

Сравнение значений показателей уровня жизни с их предельно-критическими значениями (табл. 1) неутешительны: по уровню бедности регионы российской Арктики находятся за критической чертой (табл. 3).

Таблица 3

*Показатели уровня жизни населения регионов российской Арктики, 2018 г.*¹⁴

Регион	Уровень бедности, %	Соотношение среднедушевых денежных доходов с прожиточным минимумом, раз	Соотношение среднемесячной заработной платы с прожиточным минимумом, раз
Ненецкий автономный округ	9,7	3,86	3,93
Мурманская область	9,9	2,84	4,08
Ямало-Ненецкий автономный округ	6,2	5,10	5,88
Чукотский автономный округ	8,8	3,65	4,68
Диапазон предельно-критического значения показателя	[2–7]	[2–5]	[3–6]

В наиболее «выгодном» положении находится Ямало-Ненецкий автономный округ, где достаточно высоки размеры денежных доходов, а уровень бедности находится в диапазоне предельно-критического значения. В остальных регионах уровень бедности превышает своё предельно-критическое значение, при этом соотношения денежных доходов с величиной прожиточного минимума не достигают верхней границы такого диапазона — предельно-критического значения для арктического региона.

В такого рода исследованиях необходим учёт и этнической специфики человеческого потенциала регионов российской Арктики: около 5% населения здесь составляет коренное малочисленное население (чукчи, саами, ненцы, ханты, эскимосы и пр.). По данным

¹³ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 13.04.2020).

Всероссийской переписи 2010 г., в Чукотском автономном округе около 33% населения составили представители коренных малочисленных народов, в Ненецком автономном округе — 19%, Ямало-Ненецком автономном округе — более 8%, Мурманской области — около 0,2%¹⁵. Коренное малочисленное население регионов российской Арктики ведёт свою жизнедеятельность в сельских местностях, что на фоне специфики традиционных видов их деятельности предопределяет низкий уровень жизни. В частности, среднедушевой денежный доход сельского населения Ненецкого автономного округа составляет около 60% городского; среднедушевой денежный доход в среднем на одного члена домохозяйства в сельской местности — 63%¹⁶.

Фактический уровень жизни населения отражают потребительские расходы: к бедному относится часть населения, в структуре расходов которой преобладают продовольственные расходы (закон немецкого экономиста Э. Энгеля [16, Кочкин С.А., с. 66-70]). Сегодня доля расходов на продукты питания в странах с высоким уровнем жизни составляет не более 15% от расходов домохозяйств, в странах с низким уровнем жизни — более 50%¹⁷. В России доля расходов на продовольствие в структуре потребительских расходов домохозяйств в 2018 г. составила 33,5%, в т.ч. в Мурманской области 27,8%, в Ненецком автономном округе 33,1%, в Ямало-Ненецком автономном округе 34,7%, в Чукотском автономном округе 48,2%. Наибольший удельный вес такие расходы составляют в первом дециле, наименьшие — в десятой децильной группе населения (например, в Мурманской области более 37% потребительских расходов первого дециля приходится на расходы на питание, а в домохозяйствах с наибольшими среднедушевыми располагаемыми ресурсами — не более 15%¹⁸). Такая ситуация свидетельствует не только о существующих различиях в потреблении, но и об ограничениях в доступе к ресурсам развития. Сегодня более чем у 20% домохозяйств регионов российской Арктики доля расходов на покупку продуктов питания составляет более 50%, в т.ч. в Чукотском автономном округе у 50,5% домохозяйств, в Ненецком автономном округе у 20,9%, в Ямало-Ненецком автономном округе у 15,1%, в Мурманской области у 8,2% домохозяйств¹⁹. Такая ситуация усугубляется «стеснённой» бытовых условий. По данным Росстата²⁰, в 2018 г. в Ненецком автономном округе 23,1% семей состояли на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях, из них 5,6% составили многодетные семьи, в Ямало-Ненецком автономном округе — 9,4% и 11,5%,

¹⁵ ВПН 2010. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁶ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://arhangelskstat.gks.ru/standards_of_life (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁷ Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания — 2016 // РИА рейтинг. URL: <https://riarating.ru/countries/20161206/630048668.html> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁸ Статистический бюллетень «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств» (по итогам обследования бюджетов домашних хозяйств) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁹ Там же.

²⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 13.04.2020).

в Чукотском автономном округе — 6,2% и 11,3%, в Мурманской области — 3,5% и 9,3% соответственно. Обеспеченность населения доброкачественной питьевой водой (отвечающей обязательным требованиям безопасности) в Мурманской области составила 57,1%, в Чукотском автономном округе — 49,8%, в Ямало-Ненецком автономном округе — 52,7%, в Ненецком автономном округе — 67,2%. В целом анализ распределения домохозяйств по оценке своего финансового положения²¹ на 2018 г. свидетельствует о том, что в среднем по регионам российской Арктики 48% домохозяйств вошли в категорию малоимущих (табл. 4); наибольшее (63,3%) — в Ненецком автономном округе.

Таблица 4

Малоимущие домохозяйства в регионах российской Арктики, 2018 г.

Регион	Доля малоимущих домохозяйств, %	Доля домохозяйств с детьми в возрасте до 16 лет в составе малоимущих домохозяйств, % ²²
Ненецкий автономный округ	63,3	85,0
Мурманская область	47,1	70,6
Ямало-Ненецкий автономный округ	35,2	96,5
Чукотский автономный округ	45,9	87,7

Сегодня около 80% среди малоимущих домохозяйств регионов российской Арктики составляют семьи с детьми в возрасте до 16 лет (табл. 4), в т. ч. в Ямало-Ненецком автономном округе — 96,5%, в Чукотском автономном округе — 87,7%, в Ненецком автономном округе — 85%, в Мурманской области — 70,6%. Одним из факторов сложившейся ситуации, помимо неблагоприятной демографической нагрузки (многодетные или монородительские семьи), являются особенности экономической активности — низкооплачиваемая занятость и безработица. Так, по данным Мурманскстата²³, в Мурманской области в 2018 г. 47,5 тыс. работников (или 17,7% среднесписочной численности работников) имели среднемесячную заработную плату на уровне менее 3-х величин прожиточного минимума трудоспособного населения. Очаги низкооплачиваемой занятости в регионе составляют такие виды экономической деятельности, как «торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (24,3 тыс. работников со среднемесячной заработной платой на уровне 1,94 величины прожиточного минимума трудоспособного населения), «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» (7 тыс. работников и 1,7). Самый низкий уровень зарплат — в сфере «производство одежды» (здесь уровень среднемесячной заработной платы составляет 1,27 величины прожиточного минимума трудоспособного населения), «обработка древесины и

²¹ Статистический бюллетень «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств» (по итогам обследования бюджетов домашних хозяйств) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm (дата обращения: 13.04.2020).

²² Бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности» // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_110/Main.htm (дата обращения: 13.04.2020).

²³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: <https://murmanskstat.gks.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).

производство изделий из дерева и пробки» (1,20), «производство мебели» (1,08). Особую актуальность представляет бедность «бюджетных» категорий работников. В частности, в г. Ковдоре среднемесячная заработная плата среднего медицинского (фармацевтического) персонала муниципальных организаций составляет 2,14 величины прожиточного минимума трудоспособного населения, в г. Апатиты — 2,16; средняя заработная плата младшего медицинского персонала в гг. Кировск и Оленегорск — 2,23. Такие цифры свидетельствуют о том, что ресурсы данных категорий работников не позволяют обеспечивать развитие потенциала не только самого работника, но и членов его семьи, ограничиваясь лишь набором первичных потребностей [17, Калашникова О.Н., Груздева М.А., с. 147].

Значительный вклад в ситуацию с бедностью домохозяйств с детьми вносит безработица. В 2018 г. в Ненецком автономном округе её уровень составил 8,1%, при этом более 40% безработных составили граждане, проживающие в сельской местности²⁴; по семейному положению 45,6% среди безработных составляют граждане, состоящие в браке, из них около 50% — женщины. В Чукотском автономном округе²⁵ уровень безработицы женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих одного ребёнка (в возрасте до 18 лет), составляет 1,5%, двух детей — 5,1%, трёх и более — 5%; в сельской местности — 3,9%, 13,4% и 7,6% соответственно. В зоне бедности находится коренное малочисленное население: сегодня традиционное природопользование не приносит удовлетворительный уровень дохода, при этом объёмы этноэкономик ограничиваются экологической ёмкостью территорий такого природопользования, в т.ч. в связи с «хищнической» деятельностью крупных промышленных корпораций²⁶.

Бедность как социально-экономическое явление оказывает негативное влияние на перспективы устойчивого развития регионов российской Арктики, создавая угрозу деградации человеческого потенциала, поскольку она воспроизводит феномен детской бедности. По мере увеличения числа детей уровень жизни семей снижается на 30% среди полных семей с двумя детьми, на 50% — среди полных семей с тремя и более детьми. Например²⁷, в Ненецком автономном округе (данные за 2016 г.), денежный доход в среднем на семью с двумя детьми составляет 56% величины дохода семьи с одним ребёнком, в среднем на одного члена семьи — 47%; семьи из одного родителя с детьми — 53% дохода супружеской пары с ребёнком. В Мурманской области средний доход на одного члена супружеской пары с детьми в возрасте до 18 лет составляет 58% такого дохода супружеской

²⁴ Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: <https://arhangelskstat.gks.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).

²⁵ Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. URL: <https://habstat.gks.ru/> (дата обращения: 13.04.2020).

²⁶ На Ямале обеспокоены бедностью и безработицей среди тундровиков // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2531004.html> (дата обращения: 13.04.2020).

²⁷ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://arhangelskstat.gks.ru/standards_of_life (дата обращения: 13.04.2020).

пары без детей; средний денежный доход на члена домохозяйства, состоящего из одного человека, составляет 30 176 руб., домохозяйства, имеющего одного ребёнка — 24 811 руб., двух детей — 19 365 руб.

Семья — это социальный институт [18, Калашникова О.Н., с. 81], основная функция которого заключается в обеспечении физического и социального воспроизводства новых поколений [19, Абдуллина В.С., с. 276]. Проявления социальной уязвимости семей с детьми — это прежде всего ограниченные возможности исполнения своих функций, негативным образом влияющие на качественное воспроизводство человеческого потенциала.

С 2007 г. в России в качестве инструмента долгосрочных государственных инвестиций [20, Кормишкина Л.А., Королева Л.П., с. 25] в развитие человеческого потенциала был внедрён материнский (семейный) капитал для семей, в которых родился или был усыновлён второй (и каждый последующий ребёнок). Реализация материнского капитала предусматривает улучшение жилищных условий, получение ребёнком образования, формирование накопительной пенсии матери ребёнка, а также приобретение предназначенных для социальной адаптации детей-инвалидов товаров и услуг²⁸ (размер такого капитала в 2018 г. составил 453 тыс. руб.). В Мурманской области в 2007–2018 гг. программой материнского капитала воспользовались 42,8 тыс. семей²⁹ (менее 15% домохозяйств региона), а основным направлением его использования стало улучшение жилищных условий (погашение жилищных кредитов, участие в долевом строительстве, покупка жилья). В Ямало-Ненецком автономном округе в этот период материнским капиталом распорядилось только 35% от общего числа владельцев сертификата на материнский капитал (основным направлением его реализации здесь также являлось погашение жилищных кредитов)³⁰. С 2011 г. в регионах России стали вводиться региональные материнские капиталы как единовременная денежная выплата при рождении второго, третьего и последующих детей. Например, в Мурманской области размер такой выплаты в 2018 г. составил 121,6 тыс. руб. (в области средства регионального материнского капитала можно направить, помимо стандартных направлений «федерального» материнского капитала, на ремонт жилого помещения и оплату медицинских услуг ребёнку), в Чукотском автономном округе — 131,5 тыс. руб., в Ненецком автономном округе — 234,6 тыс. руб., в Ямало-Ненецком автономном округе — 334,5 тыс. руб. Большая часть регионального материнского капитала в Ненецком автономном округе направляется на

²⁸ Что нужно знать о материнском (семейном) капитале // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.pfrf.ru/grazdanam/family_capital/chto_nuzh_znat/ (дата обращения: 13.04.2020).

²⁹ Более 42,8 тыс. семей Мурманской области получили сертификат на материнский капитал // Ловозерский район. Официальный сайт администрации. URL: http://www.lovozeroadm.ru/zhizn_rayona/otdel_pensionnog/3065/ (дата обращения: 13.04.2020).

³⁰ Реализация федеральной программы материнского (семейного) капитала в ЯНАО // Материнский капитал. URL: <http://materinskiy-kapital.molodaja-semja.ru/regiony/yanao/> (дата обращения: 13.04.2020).

приобретение автотранспортных средств³¹. В Чукотском автономном округе материнский капитал не носит целевой характер (его средства могут быть направлены на любые нужды), условием его получения является получение федерального материнского капитала, при этом использование средств капитала возможно через 2 года после рождения (усыновления) третьего и последующих детей³². Оценить влияние материнского капитала на благосостояние семей с детьми представляется затруднительным в силу отсутствия соответствующих статистических данных, тем не менее, необходимо отметить, что эффект реализации такого инструмента долгосрочных государственных инвестиций связан с улучшением жилищных условий.

Основную нагрузку в осуществлении мер социальной поддержки семей с детьми в России выполняют регионы в соответствии с федеральными и региональными нормативными правовыми документами. Региональные бюджеты получают из федерального бюджета средства в форме субвенций и субсидий для выплат на содержание детей. Важнейший критерий при установлении мер социальной поддержки — величина среднедушевых денежных доходов и её соотношение с величиной прожиточного минимума. Так, ежемесячное детское пособие предоставляется семьям со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума (табл. 5).

Таблица 5

*Размер пособия на ребёнка в регионах российской Арктики, 2018 г., руб. в месяц*³³.

Регион	Пособие на ребёнка		Прожиточный минимум ребёнка, руб.
	на детей в базовом размере	на детей одиноких матерей	
Ненецкий автономный округ	556	1 112	21 688
Мурманская область	364	729	15 121
Ямало-Ненецкий автономный округ	295–738	591–1477	15 328
Чукотский автономный округ	500	750	22 591

В Мурманской области в 2018 г. величина базового пособия на ребёнка составила 364 руб. или 2,4% величины прожиточного минимума ребёнка. Помимо этого пособия малоимущим семьям области, среднедушевой доход которых ниже 1,5 величин прожиточного минимума, предоставляется единовременное пособие при поступлении ребёнка в 1-й класс; 2-х величин прожиточного минимума — ежемесячная коммунальная выплата многодетным семьям; 2,5 величин прожиточного минимума — право на приобретение единого социального проездного билета. В целом в структуре денежных доходов домохозяйств Мурманской

³¹ 61 семья получила региональный материнский капитал за 6 месяцев 2018 года // Администрация Ненецкого автономного округа. URL: <http://adm-nao.ru/press/government/18994/> (дата обращения: 13.04.2020).

³² Материнский капитал в Чукотском АО // Материнский капитал. URL: <http://materinskiy-kapital.molodaja-semja.ru/regiony/chukotskij-ao/> (дата обращения: 13.04.2020).

³³ Социальное положение и уровень жизни населения России 2019 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_44/Main.htm (дата обращения: 13.04.2020).

области социальные выплаты составляют 8,1%, из них на пособия и компенсационные выплаты на детей приходится 41%³⁴.

В Ямало-Ненецком автономном округе размер базового пособия на ребёнка устанавливается с учётом возраста ребёнка (дошкольного или школьного). Помимо этого, малоимущим семьям с детьми «положены» следующие меры: возмещение расходов в размере 100% стоимости проезда по территории России в период каникул два раза в календарный год студентам по очной форме обучения; оплата стоимости проезда по территории России обучающимся, организованно выезжающим по путёвкам в санатории либо оздоровительные лагеря; возмещение расходов 50% стоимости проезда по территории России на железнодорожном транспорте, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, на водном, воздушном и междугородном автомобильном транспорте. В Чукотском автономном округе за счёт окружного бюджета предусмотрены ежемесячные и единовременные выплаты и пособия многодетным семьям на приобретение жилья (от 300 тыс. руб. до 5 млн. руб.), на уплату первоначального взноса при получении ипотечного кредита (до 1,5 млн. руб.) и последующее ежемесячное частичное возмещение процентов по ипотечному кредиту (50% от суммы ежемесячной выплаты); компенсация стоимости путёвок в загородные лагеря (до 35 тыс. руб.) и коммунальных услуг (до 50% от общей суммы). Семьям из числа коренных народов Севера также предусмотрена ежегодная выплата (25 тыс. руб.), дополнительная поддержка в виде выплат на приобретение одежды и обуви, а также других бытовых нужд.

В целом анализ уровня и структуры «детских» пособий показывает, что в региональном аспекте существует значительный уровень дифференциации таких пособий в зависимости от числа детей в домохозяйстве и в зависимости от места проживания. Так, в Мурманской области в структуре социальных выплат домохозяйствам с одним ребёнком «детские» пособия составляют 74,4%, с двумя — 31,2%; в Ненецком автономном округе — 57,1% и 60,4% соответственно (домохозяйствам с тремя и более детьми — 49,9%); в Ямало-Ненецком автономном округе — 28,8%, 41,5%, 24,2%; в Чукотском автономном округе — 34,1%, 51,2% и 57,9% соответственно. В Ямало-Ненецком автономном округе размер «детских» пособий в среднем на одного члена «сельского» домохозяйства составляет 44% «городского»; в Ненецком автономном округе — 121%; в Чукотском автономном округе — 170%.

Низкооплачиваемая занятость и безработица — это основные факторы феномена детской бедности, действие же системы социальной поддержки в направлении повышения уровня жизни малоимущих семей с детьми ограничено, о чём свидетельствуют расчёты показателей детской бедности (табл. 6).

³⁴ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://arhangelskstat.gks.ru/standards_of_life (дата обращения: 13.04.2020).

Таблица 6

Показатели детской бедности в регионах российской Арктики, 2018 г.

Регион	Доля детей в возрасте до 16 лет в структуре малоимущего населения, % ³⁵	Уровень детской бедности, %
Ненецкий автономный округ	50,5	19,4
Мурманская область	42,3	22,3
Ямало-Ненецкий автономный округ	52,5	12,7
Чукотский автономный округ	46,9	18,3

Сегодня в регионах российской Арктики сложилась критическая ситуация в сфере уровня жизни детского населения, наихудшая — в Мурманской области — регионе с наиболее высокой концентрацией детской бедности, где практически каждый пятый ребёнок социально уязвим. По авторским расчётам (на основании официальных данных Росстата), в Мурманской области масштаб детской бедности составляет 31,3 тыс. детей, в Ямало-Ненецком автономном округе — 16,5, в Чукотском и Ненецком автономных округах — по 2,1 тыс. детей, соответственно.

Заключение

Несомненно, тема проблемы бедности актуальна, поскольку их сложность и неоднозначность порождают массу вопросов. Один из них заключается в том, что вследствие невозможности адекватной оценки неденежных аспектов, под бедностью в настоящем исследовании подразумевалась прежде всего бедность по уровню доходов (когда среднедушевые денежные доходы в домохозяйстве ниже величины прожиточного минимума). На наш взгляд, необходимо учитывать не только бедность по уровню доходов, но и другие виды депривации в неденежной форме (недостаточность питания, недоступность услуг дошкольного или школьного образования, ограниченный доступ к информационно-коммуникационным технологиям и т.д.), которые, к сожалению, не всегда поддаются адекватной оценке. Более того, используемая в данном исследовании методика имеет ряд ограничений, поскольку принятая в России оценка бедности по абсолютному показателю имеет свои недостатки и в силу ограниченности статистических данных на уровне муниципальных образований. В частности, состав потребительской корзины в России устанавливается на основе слишком узкого набора позиций, при этом представляются не соответствующими современным реалиям нормы потребления отдельных продуктов питания по социально-демографическим группам населения. При измерении детской бедности также возникают специфические проблемы. Например, в российской действительности прожиточный минимум фактически являет собой границу физиологического выживания человека, при этом в структуре потребительской корзины де-факто не учитывается региональная специфика в затратах на приобретение одежды,

³⁵ Бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности» // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_110/Main.htm (дата обращения: 13.04.2020).

лекарственных препаратов и витаминов, связанных с климатическими особенностями арктических регионов. Детская бедность — не только явление, наличие которого позорно для общества и государства. Это системный фактор, определяющий динамику экономического и социального развития страны и её регионов в стратегической перспективе, в перспективе достижения устойчивого развития, поскольку феномен детской бедности обусловлен появлением и усугублением долговременных негативных тенденций — повышением уровня заболеваемости, снижением уровня образования, повышением уровня безработицы и, как следствие, ростом преступности и социальной напряженности в обществе, снижением качества человеческого потенциала и сокращением возможностей в достижении устойчивого развития российской Арктики.

Благодарности и финансирование

Публикация базируется на результатах выполнения НИОКТР АААА-А18118051590115-9 «Социальные аспекты управления саморазвитием регионов и местных сообществ в Российской Арктике».

Литература

1. Шевченко И.В., Литвинский К.О. Устойчивое развитие: мировой опыт и проблемы России // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 13 (52). С. 3–10.
2. Мудрецов А.Ф. Человеческий потенциал устойчивого развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 8. С. 98–103.
3. Абдалхуссейн А., Санталова М.С. Человеческий потенциал и человеческий капитал в производственной деятельности предприятия // Актуальные вопросы экономики и управления. 2013. № 6 (052). С. 9–11.
4. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22–41.
5. Лейбин В.М. Римский клуб: хроника докладов // Философия и общество. 1997. № 6. С. 204–221.
6. Ишмуратова И.Г. Содержание категории «бедность» в новейшей истории России // Проблемы современной экономики. 2010. № 4 (36). С. 75–78.
7. Peach J., Warnecke T., Watkins J. The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them // The Social Science Journal. 2017. Vol. 54 (3). Pp. 370–371. DOI: 10.1016/j.soscij.2017.07.004
8. Фахрутдинова Е.В., Шаламова Н.В. Эволюция научных концепций исследования качества населения // Экономические науки. 2010. № 12 (73). С. 69–73.
9. Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Куликова О.М., Файзуллин Ф.С. Управление качеством жизни населения в регионах России // Журнал институциональных исследований. 2019. № 11 (2). С. 146–170. DOI: 10.17835 / 2076-6297.2019.11.2.146-170
10. Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. No. 9 (1). Pp. 97–123.
11. Томских М.С. Качество жизни в концепции «общества риска» У. Бека // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2016. № 2 (11). С. 24–29. DOI: 10.21209/2307-1826-2016-11-2-23-29
12. Скибицкий М.М. Информационная эпоха и новая экономика в трудах Мануэля Кастельса // Мир новой экономики. 2015. № 4. С. 62–68.

13. Корчак Е.А. Институциональная среда бедности населения северного региона России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. № 1 (32). С. 142–148.
14. Корчак Е.А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни в северных регионах // ЭКО. 2016. № 3. С. 80–96. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2016-3-80-95
15. Korchak E., Serova N. High-Quality Reproduction of Labor Potential of Arctic Territories: Migration Factor // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS LXXVI. 2019. Pp. 1736–1742. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.235
16. Кочкин С.А. Проверка Закона Энгеля с помощью статистического анализа потребления продуктов питания населением России // Вестник современной науки. 2016. № 5–1 (17). С. 66–70.
17. Калашникова О.Н., Груздева М.А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 2 (12). С. 147–160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9
18. Калашникова О.Н. Семья как основной институт воспроизводства населения // Проблема развития территории. 2010. № 6 (52). С. 81–86.
19. Абдуллина В.С. Семья в системе воспроизводства населения // НоваИнфо. 2016. № 42 (2). С. 276–278.
20. Кормишкина Л.А., Королева Л.П. Материнский капитал как инструмент перераспределительной политики государства // Финансовый журнал. 2019. № 4. С. 24–35. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-4-24-35

References

1. Shevchenko I.V., Litvinskiy K.O. Ustoychivoe razvitie: mirovoy opyt i problemy Rossii [Sustainable Development: International Experience and Problems of Russia]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2007, no. 13 (52), pp. 3–10.
2. Mudretsov A.F. Chelovecheskiy potentsial ustoychivogo razvitiya [Human Potential of Sustainable Development]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Transforming the Economy], 2016, no. 8, pp. 98–103.
3. Abdalhusseyn A., Santalova M.S. Chelovecheskiy potentsial i chelovecheskiy kapital v proizvodstvennoy deyatel'nosti predpriyatiya [Human Potential and Human Capital in the Production Activities of the Company]. *Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya* [Relevant Issues of Economy and Management], 2013, no. 6 (052), pp. 9–11.
4. Glazyev S.Ju., Lokosov V.V. Otsenka predel'no-kriticheskikh znacheniy pokazateley sostoyaniya rossiyskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Assessment of the Extreme Critical Values of Indicators of the State of Russian Society and Their Use in Managing Social and Economic Development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 4 (22), pp. 22–41.
5. Leybin V.M. Rimskiy klub: khronika dokladov [Club of Rome: Chronicle of Reports]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 1997, no. 6, pp. 204–221.
6. Ishmuratova I.G. Soderzhanie kategorii «bednost'» v noveyshey istorii Rossii [The Content of the Category of “Poverty” in the Recent History of Russia]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2010, no. 4 (36), pp. 75–78.
7. Peach J., Warnecke T., Watkins J. The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them. *The Social Science Journal*, 2017, no. 54 (3), pp. 370–371. DOI: 10.1016/j.socij.2017.07.004
8. Fakhrutdinova E.V., Shalamova N.V. Evolyutsiya nauchnykh kontsepciy issledovaniya kachestva naseleniya [The Evolution of Scientific Concepts of Population Quality Research]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2010, no. 12 (73), pp. 69–73.
9. Gubarev R.V., Dzyuba E.I., Kulikova O.M., Fayzullin F.S. Upravlenie kachestvom zhizni naseleniya v regionakh Rossii [Quality of Life Management in the Regions of Russia]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 2019, no. 11 (2), pp. 146–170. DOI: 10.17835 / 2076-6297.2019.11.2.146-170

10. Beck U. From Industrial Society to the Risk Society. *Theory, Culture and Society*, 1992, no. 9 (1), pp. 97–123.
11. Tomskikh M.S. Kachestvo zhizni v konceptsii «obshchestva riska» U. Beka [The Quality of Life in U. Beck's "Risk Society"]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya* [Humanitarian Vector. Philosophical Sciences], 2016, no. 2 (11), pp. 24–29. DOI: 10.21209 / 2307-1826-2016-11-2-23-239
12. Skibickiy M.M. Informatsionnaya epokha i novaya ekonomika v trudakh Manuyelya Kastel'sa [The Age of Information and the New Economy in the Works of Manuel Castells]. *Mir novoy ekonomiki* [The World of New Economy], 2015, no. 4, pp. 62–68.
13. Korchak E.A. Institutsional'naya sreda bednosti naseleniya severnogo regiona Rossii [Institutional Environment of Poverty in the Northern Region of Russia]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin: History. Political Science. Economics. Information Technologies], 2007, no. 1 (32), pp. 142–148.
14. Korchak E.A. Dinamika social'noy ustoychivosti i uroven' zhizni v severnykh regionakh [The Dynamics of Social Sustainability and Living Standards in the Northern Regions]. *EKO [ECO]*, 2016, no. 3, pp. 80–96. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2016-3-80-95
15. Korchak E., Serova N. High-Quality Reproduction of Labor Potential of Arctic Territories: Migration Factor. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS LXXVI*, 2019, pp. 1736–1742. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.235
16. Kochkin S.A. Proverka Zakona Yengelya s pomoshchyu statisticheskogo analiza potrebleniya produktov pitaniya naseleniem Rossii [Verification of Engel's Law Using a Statistical Analysis of Food Consumption by the Population of Russia]. *Vestnik sovremennoy nauki* [Bulletin of Modern Science], 2016, no. 5–1 (17), pp. 66–70.
17. Kalashnikova O.N., Gruzdeva M.A. Sotsial'naya uyazvimost' semey s det'mi v sovremennoy Rossii [Social Vulnerability of Families with Children in Modern Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2019, no. 2 (12), pp. 147–160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9
18. Kalashnikova O.N. Semya kak osnovnoy institut vosproizvodstva naseleniya [Family as a Major Reproduction Institute Population]. *Problemy razvitija territorii* [Problems Territory's Development], 2010, no. 6 (52), pp. 81–86.
19. Abdullina V.S. Semya v sisteme vosproizvodstva naseleniya [Family in the System of Population Reproduction]. *Novainfo*, 2016, no. 42 (2), pp. 276–278.
20. Kormishkina L.A., Koroleva L.P. Materinskiy kapital kak instrument pereraspredelitel'noy politiki gosudarstva [Maternal Capital as a Tool of Redistributive Policy of the State]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2019, no. 4, pp. 24–35. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-4-24-35

Статья принята 13.04.2020.